

Елена ОРЛОВА

БОЖЬЯ МАТЕРЬ, СПАСИ НАС, ГРЕШНЫХ!

Дед мой не прославленный герой –
Красной Армии боец рядовой.
Деду моему тридцать два –
Вражья пуля жизнь оборвала.
Проплывают над ним облака,
А в изножье прорастает трава,
И лежит он под гранитной плитой
В белорусской земле родной
Восемьдесят лет...
Ты прости нас, дед:
Мы ещё не добились врага.

Когда тепло подарит нам весна
И в мой тенистый сад вернутся птицы?
Когда, разрушив прежние границы,
Мир, наконец, очнётся ото сна?

Когда же вновь из-под коросты льда,
Сковавшего сердца, умы и души,
Сквозь мерзость наглой клеветы и чуши
Взойдут ростки надежды и добра?

Когда над обновлённую Землёй
Вновь засияет солнце русской Правды,
Когда славяне завоюют право
Жить в братском мире дружною семьёй?

Когда великая могучая страна
Проявит волю, мужество и силу,
Загнав чуму фашистскую в могилу,
Чтоб там навек покоилась она?

Когда домой вернётся каждый воин,
С победой – той, которой мы достойны,
Чтобы героев славить имена?..
Пусть поскорее кончится война!

Отчего ты сегодня бледна?

А. Ахматова

Ты не спрашивай, я не отвечу,
Отчего я тиха и грустна.
Тяжесть давит усталые плечи:
В мире снова грохочет война.

Незавидна женская доля –
Сердце чутко беду сторожит:
Где-то есть то проклятое поле,
Над которым ворон кружит.

Жить на изломе времён –
Не приведи Господь!
Нам вот пришлось. Живём.
Дух побеждает плоть,

Свет побеждает тьму.
Боже, воля Твоя!
Этим – тюрьму иль суму,
Этим – пухом земля.

А на Земле весна
Дышит теплом полей.
Смерть на миру – красна,
Выжить – всегда трудней.

Грохочет эхо войны,
Железо вгрызается в плоть.
Слезами освящены
Хлеб и соли щепоть.

С нами Небесная рать!
Каждый – Богом храним.
Жизни можно забрать,
Души – не отдадим!

Вечно юный апрель,
словно подросток,
играющий в репортёра,
придирчиво подмечает
прошлогодний песок под ногами,
последний снег на склонах оврагов,
бледную нежность первых цветов,
обломки чьи-то надежд,
тревожную усталость в лицах людей,
сомнительную уверенность,
что «никакой моей вины»,
и голос внутри, упрямо возражающий:
«но всё же, всё же, всё же».

На той стороне, в недалёкой стране
Надежда, как якорь, лежит на дне,
Отчаянье копится в глубине,
И, словно в мучительном, страшном сне,
Про «славу» и «волю» поют весне,
Назло себе и врагам.
Но мир – это наш всеобщий бедлам,
И слышно по всем четырём сторонам,
Как флейта визжит и гремит барабан:
«Всё это – не здесь, а там-там-там».
И каждый знает: проси – не проси,
Если огонь затухает в груди,
Мысли – в грязи, а руки – в крови,
Душе не взлететь с земли.

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА¹

Жили жадно, разгульно, дико.
Выживали, кто как умел.
Ни чудес, ни Божьего лика –
Передел, отстрел, беспредел.

¹ На Страстную седмицу в православных церквях читают Откровение Иоанна Богослова, известное как Апокалипсис.

Не нашли ни себя, ни Бога,
Погружаясь в хаос борьбы.
А из ангельского чертога
Слышен звук четвёртой трубы.

Что предсказано – то случится.
Жизнь сметая, как прах и сор,
Над Землёй опустевшей мчится
Белый Всадник, чьё имя «мор».

Тьма накрыла неспящий город.
Меж остывших бетонных плит
Чёрный Всадник по имени «голод»
В тишине весами гремит.

Не спастись за высоким забором,
От беды не укрыться плащом.
Рыжий Всадник войны и раздора
Окровавленным машет мечом.

Души скомканы, злы, убоги.
Всюду смрад гниющих элит.
Бледный Всадник стоит на пороге
И глазами пустыми глядит...

Свет сияющий мест нездешних
Мы, раскаявшись, да узрим!
Божья Матерь, спаси нас, грешных,
И укрой омофором Своим!

За невидимой дверью
Путь туманом укрыт.
Плачет птица вечерняя,
Дождь листву теребит.

Наливаются силою
Стебли сочной травы.
Над забытой могилою –
Ни скорбей, ни молвы...

Ветер в поле уляжется
Ночевать-почивать.
Смерть обманом окажется.
Не ходи провожать.